

УДК [338.48(=511.1):572.028](47+57)(48)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.44

Этнотуризм и Баренцев/Евроарктический регион (БЕАР) *

© ОЛСЕН Кьелл, доктор социальной антропологии, профессор

E-mail: kjell.o.olsen@uit.no

UiT — Арктический университет Норвегии, кампус в г. Альта, Норвегия

Аннотация. В данной статье утверждается, что этнотуризм следует понимать как сформированный европейскими представлениями о «других», а также более поздним развитием мировой политической мысли. Такие широкие структуры формируют гетерогенные народы, которые обозначены и обозначают себя коренными народами. Кроме того, нынешнее положение этих народов также определяется их отношениями с окружающим их большинством и национальными государствами. Поэтому определения этнотуризма должны основываться скорее на степени контроля меньшинств за туристической деятельностью, чем на идеях о символических культурных особенностях. Рост туризма во многих областях Баренцева / Евроарктического региона предоставляет возможность для сохранения культурных особенностей этнических меньшинств. Тем не менее, они могут сталкиваться с проблемами, поскольку им отводится такое положение в индустрии туризма, при котором другие, более влиятельные субъекты определяют довольно узкую область того, чем является этнотуризм. Данная статья написана на основе современного литературного исследования индигенности, туризма и туризма на территории саамов и опирается на предыдущие исследования о саамах и туризме в Норвегии.

Ключевые слова: *коренные народы, Баренц / Евроарктический регион, туризм, саамы, аутентичность.*

Indigenous tourism and the Barents Euro-Arctic Region (BEAR)

© Kjell OLSEN, PhD in Social Anthropology, Professor

E-mail: kjell.o.olsen@uit.no

UiT — The Arctic University of Norway, Campus Alta, Norway

Abstract. In this article, it is argued that indigenous tourism must be understood as shaped by European ideas of the Other, as well as more recent development in global politics. Such broad and increasingly global structures frame those heterogeneous populations that are labelled and label themselves indigenous. Furthermore, the current situation of these peoples is also shaped by their relationships to surrounding majorities and nation states. Therefore, definitions of indigenous tourism should rather be built on minorities' degree of control of tourism activities than by ideas of emblematic cultural features. The growth in the tourism industry in many parts of the Barents Euro-Arctic Region also represents an opportunity for representing and maintaining cultural features among minorities. Nevertheless, minorities might also face challenges by being relegated to a position in the tourism industry where other more powerful actors define a rather narrow field of what indigenous tourism is. This article is based on literary studies of contemporary research on indigeneity, tourism and Sámi tourism and draws upon the author's extensive previous research on Sámi tourism in Norway.

Keywords: *indigenous peoples, the Barents Euro-Arctic Region, tourism, Sámi, authenticity.*

* Для цитирования:

Олсен К. Этнотуризм и Баренцев/Евроарктический регион (БЕАР) // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 44–56. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.44

For citation:

Olsen K. Indigenous tourism and the Barents Euro-Arctic Region (BEAR). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 44–56. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.44

Введение. Концепция «другого» в западной традиции

Мы говорим, что мы отдельный народ, нация людей, и мы должны иметь особые права в Канаде. Мы отличаемся тем, что нам будет нелегко войти в вашу систему, потому что мы разные. У нас своя система, свой образ жизни, своя культура, свои традиции. У нас есть свои языки, свои законы и система правосудия (Роберт Андре, Арктическая Красная река)
[1, Brody H., p. vii]

Как утверждает Роберт Андре, коренные народы отличаются, но от кого они отличаются и как это различие онтологически сконструировано? Можно предположить, что эта форма отличия не проистекает из особой традиции у людей, поселившихся вокруг Арктической Красной реки. Даже если у них, очевидно, были представления о различиях между теми людьми, которые поселились в этом районе, такие представления можно рассматривать как результат колониального столкновения между европейскими колонизаторами и тем населением, которое с XVI в. должно было стать колонизированным. Великие путешествия европейцев в XVI в. и их часто воинственные встречи с новыми народами по всему миру — а также их последующее подчинение — потребовали онтологической переориентации западной мысли.

Выражаясь кратко и грубо, эта переориентация вызвала необходимую классификацию, ибо для европейцев, которые рассматривали неизвестные народы, важным было опереться на устаревшие представления о варварах и их контраст с цивилизованными народами. Так европейская цивилизация легитимировала своё господство. Отсутствие у народов привычной для колонизаторов общественной организации и материальной, а также духовной европейской культуры заставляло их думать о благородном дикаре, о состоянии, в котором человек спокойно жил в Эдемском саду. Эта двойственность концепций — «варвар» и «благородный дикарь» — была сопряжена с новыми европейскими идеями о человеческой эволюции: о пути из детского состояния до зрелой цивилизации, которые позволили рассматривать некоторых людей как «других». Эти идеи до сих пор окружают этнотуризм и являются основой туристической мотивации, а также отражаются на том, какие страны туристы желают посетить. Обе концепции «варвара» и «благородного дикаря», которые могли бы существовать одновременно, требуют наличия своего рода радикального отличия у тех, кого называют «коренными» народами.

Коренные народы как политическая концепция

Как говорилось выше, коренные народы — это концепция, которая в западной мысли используется в отношении населения, имеющего образ жизни и культуру, отличную от того, что считается современным образом жизни. Таким образом, коренные народы в обыденном смысле связаны с тем, что с различных современных точек зрения рассматривается как традиционный образ жизни. Такое использование понятия «коренной» связывает эту концепцию с другими концепциями, такими как традиционные, племенные, примитивные, предмодернистские или аборигенные, а также все концепции, которые использовались в отно-

шении народов, которые кажутся радикально отличающимися от того, что выглядит как современность. С 1950-х гг. понятие «коренные народы» используется в качестве политической концепции. В рамках системы ООН Международной организацией труда (МОТ) была разработана Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, 1989 г. (ILO No 169), которая призвана обеспечить права коренных народов, проживающих на территории национального государства. В статье 1 Конвенции МОТ 169 коренные народы определяются следующим образом:

1. Настоящая Конвенция применяется к:

- племенным народам в независимых государствах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством или правилами;
- народам в независимых государствах, которые считаются коренными по причине их происхождения относительно населения, проживавшего в государстве или географическом регионе, к которому оно относится, во время завоевания или колонизации или установления нынешних государственных границ и которые, независимо от их правового статуса, сохраняют некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты.¹

Коренные народы оказались концепцией, которую трудно определить с юридической и научной точек зрения. Коренные народы оказались концепцией, которую трудно определить с юридической и научной точек зрения. Таким образом, некоторые представители, отличающиеся от большинства населения в национальном государстве, за исключением Латинской Америки, где коренные народы иногда составляют большинство, занимали районы, которые были завоёваны или колонизированы другими группами, культурно отличающимися от коренных жителей, и самоидентифицировали себя в качестве коренных народов и были признаны в качестве таковых другими коренными народами. В 1997 г. Эрика-Ирен Даес (Erica-Irene Daes) предприняла попытку создать основу для универсального понимания этой концепции в международном контексте. Она подчёркивает четыре аспекта:

- приоритет во времени в отношении заселения и использования конкретной территории;
- добровольное сохранение культурной самобытности, которая может включать аспекты языка, социальной организации, религии и духовных ценностей, способов производства, законов и институтов;
- самоидентификация, а также признание другими группами или государственными органами в качестве отдельной общности;

¹ C169 — Конвенция 1989 г. О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни (№ 169). URL: http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C169 (дата обращения: 12.01.2019).

- опыт порабощения, маргинализации, лишения собственности, исключения или дискриминации, независимо от того, сохраняются ли эти условия ²

Как мы видим, коренное население не является простой политической концепцией и охватывает огромное количество разных народов, которые имеют мало общего [2, Joona J.]. Это можно сказать и о коренном населении БЕАР, которое, по оценкам Баренцева Евроарктического Совета, составляет приблизительно 85 000 саамов, проживающих в Финляндии, Норвегии, Швеции и России, а также 7 000 ненцев и 6 000 вепсов в России³. Тем не менее, международная работа в области прав коренных народов также оказывает влияние на Баренцев / Евроарктический регион. Сотрудничество между саамами четырёх стран, ненцами и вепсами в рамках Баренцева Евро-Арктического Регионального Совета, было начато в 1993 г. В 1995 г. на постоянной основе была создана рабочая группа по коренным народам (WGIP). Во многих отношениях это сотрудничество коренных народов БЕАР основано на глобальном движении коренных народов, которое адаптируется к меняющимся политическим условиям. Концепция коренных народов дополнительно осложняется использованием общего значения понятия «коренной», которое в давней западноевропейской традиции обычно связывается со всеми народами, которые кажутся традиционными и радикально отличаются от того, что мы считаем современным.

Таким образом, акцент на радикальном различии, традиционном облике и принадлежности к меньшинству, является во многом тем, что составляет основу для присвоения лейбла «этнотуризм». Таким образом, мотивация для этнотуризма может стать понятна после рассмотрения общих теорий исследования туризма. Например, Дин Макканнелл (Dean MacCannell) в своей работе «Турист» приписывает мотивацию туризма отчуждающим силам современности, которые своими дифференцирующими процессами порождают стремление к аутентичности, то, чего современный человек не находит в своей собственной жизни... «Современный человек обречён искать где-либо, везде свою подлинность, чтобы увидеть, сможет ли он мельком узреть её отражение в простоте, этничности, целомудрии или чистоте других» [3, MacCannell D., с. 41]. Следовательно, предполагаемая простота людей, считающихся традиционными и менее развитыми, чем современный турист, становится достойной внимания. Аналогично, Джон Ури (John Urry) в своей влиятельной работе «Взгляд туриста» преуменьшает поиск подлинности, и приписывает мотивацию туризма стремлению к различиям, в отличие от обычной жизни:

«Поэтому представляется неправильным, что поиск аутентичности является основой для организации туризма. Скорее, одна из ключевых особенностей, по-видимому, заключается в том, что существует разница между обычным местом жительства / работы и объектом

² Daes E.-I. Working Group on Indigenous Populations — Working Paper — Digest [1997] AUIndigLawRpr 22; (1997) 2(1) Australian Indigenous Law Reporter 162. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/journals/AILR/1997/22.html#Heading4> (дата обращения: 13.01.2019).

³ Коренные народы Баренцева региона. URL: <https://www.barentscooperation.org/en/About/Indigenous-Peoples> (дата обращения: 13.01.2019).

туристического интереса. Теперь, возможно, поиск того, что мы считаем аутентичными элементами, является важным компонентом, но это только потому, что в некотором смысле существует контраст с повседневным опытом» [4, Urry J., с. 12].

Тем не менее, наши западноевропейские представления о «другом», коренном, воплощают идею отличия наших повседневных переживаний, а также рассматриваются как имеющие более подлинную жизнь, чем современный человек.

Норвежские саамы в индустрии туризма

Ненцы, венгры и саамы — коренные народы БЕАР имеют столько же различий, сколько и сходств. Их объединяет то, что этнические меньшинства находятся в рамках изменяющихся государственных образований, их культура и история сформированы меняющейся политикой различных государств, в которых они находятся [5, Pietikäinen S. et. al.]. Согласно С. Пиетикойнен (Pietikäinen S.), для коренных народов и меньшинств, проживающих в районе Северного Калотта, последствия этих переопределений были радикальными, поскольку новые границы не следовали за установившимися, давно существующими разделениями языковых общин или местными средствами к существованию [5, Pietikäinen S., et al., с. 4].

Предшественником туризма в Европе стала выставка экзотических народов в крупных европейских городах. Краткое описание участия норвежских саамов в этой отрасли может объяснить некоторые идеи, которые скрываются за этнотуризмом. Саамы рано приобрели имидж «последних кочевников Европы». Несколько научных экспедиций в XVI–XVII вв. изучали и описывали их образ жизни. Саамы также сыграли свою роль в истории о зарабатывании денег на выставках «примитивных» народов по всей Европе. В 1822 г. У. Буллок (William Bullock) выставил семью саамов в Египетском зале в Лондоне. Семья южных саамов была выставлена вместе с живыми оленями и стала довольно популярной достопримечательностью [6, Altick R., с. 273]. Вероятно, это было началом традиции экспонирования живых саамов, которая продолжалась, по крайней мере, до 1930 г., когда тридцать два норвежских, шведских и финских саама гастролировали по Германии летом и осенью. В этот тур они взяли с собой полностью оборудованный лагерь, собак и пятьдесят оленей [7, Hætta O.].

В 1822 г. на выставке, как пишет Б. Киршенблатт-Джимблетт (Kirshenblatt-Gimblett), лапландцы были привлечены для ухода за оленями, которые, вероятно, могли быть представлены в Англии, но, когда это оказалось непрактично, лапландцы стали этнографическими экспонатами [8, Kirshenblatt-Gimblett B., с. 45]. При этом саамы должны были адаптироваться к этнографической традиции. Уже первая выставка Буллока ввела устойчивую традицию, которая стала особенностью лагерей лапландцев, созданных для обслуживания растущего туризма в Северной Норвегии в последней части XIX в. Это была традиция, которая, вероятно, уделяла больше внимания этнографии, нежели представлениям саамов о развлечениях. На плакате, сделанном для выставки в Египетском зале, заметна разница между «примитивными» объектами и современными зрителями. Обрамлённые пейзажем возвышенной приро-

ды Северной Норвегии — области, которую выставленная семья Холм, вероятно, никогда не посещала, саамы контрастируют с посещающими выставку лондонцами. Их жилища в кочевом стиле, одежда и выставленная посуда резко отличаются от современного образа жизни того времени.

Плакат интересен в нескольких аспектах. Во-первых, он демонстрирует саамов так, как часто делают до сих пор. Большинство характерных черт афиши к лондонской выставке 1822 г. можно найти в современных туристических проспектах. В современных изображениях саамов редко встречаются только две особенности. Одна из них уже исчезла — зрители. Их больше нет на современных изображениях для индустрии туризма. Вторая особенность — олени упряжки, которые уже не являются таким заметным этническим маркером. Ощущение скорости, с которым этот вид транспорта ассоциировался 200 лет назад, уже не производит впечатления.

Во-вторых, плакат связан с традицией рассматривать «другого» в качестве благородного дикаря, человека, который ближе к до-современному состоянию невинности человечества.

С. Матисен [9, Mathisen S., с. 8] указывает на то, как саамы были выставлены в Египетском зале, и видит в этом отражение европейской научной традиции. Как пишет Р. Алтик [6, Altick R., с. 273], У. Буллок нанял Томаса Дибдина (Thomas Dibdin), чтобы написать «пьесу», в которой бы выступили саамы. В своей автобиографии Т. Дибдин описывает своих «актёров»:

... маленький, толстый, круглый человек, который выглядел как баррель нефти [...] соответственно, его красавица-жена, в размеры как половина анкер [бочка]; и их сын, ростом с голландский сыр, в шляпе: это трио пели, танцевали, играли на скрипке, и продемонстрировали ряд достижений, и что для меня было удивительным на тот момент времени: как я смогу превратить это в какую-то пьесу? Тем не менее, пьеса была написана: мой руководитель, мистер Эрскин, сочинил увертюру, песни, мелодраматическую музыку, танцы и т.д. — сцены были расписаны; танцы репетировались на Сенном рынке [...]; все платья сшиты и декорированы и модели любезно одолжены мистером Буллоком; и когда все второстепенные дела были улажены, артистов пригласили, чтобы послушать, как я читаю пьесу «Лапландцы» в моей квартире в театре Суррея [10, Dibdin T., с. 195–196].

Лапландцы никогда не появлялись в квартире мистера Дибдина, потому что «... у восьми северных оленей перехватило дыхание» [10, Dibdin T., с. 196]. Ожидая появления новых оленей, «маленький круглый мужчина, жена и ребенок тем временем должны были объехать своими быстрыми санями просторные равнины Египетского зала» [10, Dibdin T., с. 197]. Это стало, вероятно, первой выставкой саамов за пределами Северной области.

Даже если Т. Дибдину и не удалось поставить свою пьесу в полном масштабе, как пишет С. Матисен [9, Mathisen S., с. 8], собственные представления саами о развлечениях были

отвергнуты, вероятно, в пользу более «правильного» этнографического представления, Т. Дибдина. Тем не менее, песни, танцы и игры на скрипке по-прежнему не имеют никакого отношения к саамским культурным достопримечательностям. Идея Т. Дибдина о том, как саамы могут быть представлены в спектакле, до сих пор существует и даже встречается в местном туризме.

С самого начала туризма в Северной Норвегии до второй половины XIX в. саамы выступали в качестве достопримечательностей. Типичным примером такого отношения были так называемые лагеря лопарей, организованные оленеводами, которые отдыхали на пастбищах на побережье. Оленеводы стали главным саамским маркером в туризме, и лишь редкие осевшие прибрежные саамы имели эту профессию. Это вполне объясняется тем, что туризм прекрасно подходил саамам-оленеводам, которые могли заниматься традиционными видами прикладного искусства зимой, а потом продавать их результат летом, во время стоянки у побережья. Другое объяснение состоит в том, что полукочевые скотоводы ближе соотносятся с идеей о благородном дикаре, чем прибрежные саамы. Многокультурные прибрежные районы не имеют больших культурных отличий, а норвежские власти рассматривают прибрежные районы саамской культуры как исчезающие [11, Olsen K.]. То, что некоторые аспекты культуры коренного населения подчёркиваются в туризме, может объясняться идеями, связывающими индигенность с традициями. Тем не менее, в разных государствах отличия в современных правах, общий тип туризма в регионе создают представление о коренном населении [12, Keskitalo E. & Nuttall M.; 11, Olsen K.; 13, Kelly-Holmes H. & Pietikäinen P.].

Даже если коренные народы считаются потенциальными туристическими достопримечательностями из-за их предполагаемого традиционного образа жизни, то противоречие между традицией и современностью не всегда может поддерживаться при интеграции в современные государственные образования, подобные тем, которые есть в БЕАР. Анализ туристических брошюр саамов в Норвегии показывает, что они изображаются современными в таких областях, как жизнь под открытым небом, и в таких видах спорта, как соревнования на снегоходах. Третья область, в которой дихотомия больше не поддерживается, находится в художественном выражении [14, Olsen K.]. Кажется, что некоторые моменты позволяют «другим» выражать свою версию современности, не оспаривая необходимую разницу между туристами и самими собой [13, Kelly-Holmes & Pietikäinen S.; 14, Olsen K.; 15, Pietikäinen S.]. Как писал Т. Туен [16, Thuen T., с. 262], когда рассматривал возможность развития того, что может считаться современным культурным отражением саамского населения, это, скорее всего, относится к искусству.

Тем не менее, главное впечатление, создаваемое туристическими брошюрами — и в этом случае брошюрами, опубликованными региональными и местными властями, где современная саамская культура является наиболее выдающейся, — это то, что старая традиция представления саамов как радикально отличающихся остаётся неизменной. Это может ча-

стично объяснить впечатление, полученное от туристов, которые считают саамов традиционными и характеризуют их такими признаками, как оленеводство, кочевой образ жизни, коренное население, другая культура и образ жизни, традиции, традиционный костюм, ландшафт и природа [17, Viken A., с. 29]. Нельзя сказать, что такие особенности не играют роли в современной саамской культуре. Изображение пожилой женщины с собакой и северным оленем, стоящей в снежной пустыне, является как туристическим клише, так и частью современного саамского общества.

На это указала студентка-саами, которая одновременно смогла увидеть «отличительность» саамов как народа и часть повседневной жизни её тети. Для многих саамов нет никакого противоречия в том, что с точки зрения постороннего может быть воспринято как принадлежность к двум различным категориям: традиции и современности. С точки зрения инсайдера, всё это существует в настоящее время в рамках современной культуры саамов. Как отмечают другие, аутоэтнография и культурные проявления, как правило, неоднородны как с внешней точки зрения, так и с точки зрения инсайдера. В случае с изображениями знание региональных и местных различий в костюме саамов может дать много информации даже без знания изображенных лиц или цели таких репрезентаций. Тем не менее, для туристической аудитории такие картинки, вероятно, соответствуют их представлениям о традиционных культурах, даже если большинство местных жителей заметят современников.

Этнотуризм: определения

Возможно, наиболее влиятельное определение этнотуризма дано Хинчем и Батлером, которые утверждают, что туризм среди коренных народов можно понимать как «туристическую деятельность, в которую коренные народы вовлечены либо посредством контроля и / или посредством того, что их культура служит сущностью привлечения» [18, Butler R. & Hinch T., с. 9]. В это определение можно интегрировать политико-юридическое определение коренных народов, а также самопознание и признание другими. Кроме того, введя контроль как важный элемент, можно также вывести местный туризм из ловушки, которую семья Хольм создала ещё в 1822 г. Это означает, что туристический продукт, продаваемый коренными народами, может быть продан в качестве местного продукта, даже если он — как пение, танцы и игра на скрипке семьи Хольмов — не вписываются в европейские представления о том, что является настоящей местной и обычно традиционной культурой.

		КОНТРОЛЬ КОРЕННЫХ НАРОДОВ	
ТЕМАТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ	<i>Наличие тематической репрезентации коренных народов</i>	<i>Низкий уровень контроля</i> А Лишённые культуры	<i>Высокий уровень контроля</i> В Управляемая культура
	<i>Отсутствие тематической репрезентации коренных народов</i>	С Не индигенный туризм	Д Индигенный диверсифицированный туризм

Рис. 1. Тематическая репрезентация коренных народов / контроль коренных народов.

Модель Хинча и Батлера [18, Butler R. & Hinch T., с. 10] позволяет поместить местные туристические продукты в различные соотношения по двум параметрам: Степень контроля и Тема коренных народов. Категория А «Лишённые культуры» относится к тем ситуациям, когда артефакты и / или культурные мероприятия выставляются / проводятся компаниями, не имеющими отношения к коренному населению, чья культура демонстрируется. Как и на выставке Буллока в Лондоне в 1822 г. В Северной Скандинавии культура саамов долгое время использовалась на таких выставках без согласия самих саамов. Например, использование изображений саамов в традиционной одежде с оленями или у костра — обычные сюжеты рекламы. Однако принятие такого использования саамской культуры в туризме без одобрения саамов может отличаться в разных странах [19, Routsala H.]. Это — вопрос, связанный с контролем коренных народов и политическим признанием использования их культуры. Например, в Норвегии было бы неуместно для норвежцев одеваться в традиционные саамские костюмы в контексте туризма, а случаи, когда компании использовали особенности традиционной саамской одежды в мероприятиях, подвергались серьёзной критике. Категория В «Управляемая культура» указывает на те случаи, когда сами саамы представляют культурные особенности. Торговые палатки вдоль дорог, установленные саамскими оленеводами, имеют давнюю традицию в Норвегии и являются примером такого использования темы коренных народов и контроля коренных народов. С — «Не индигенный туризм», охватывает те случаи, когда нет темы коренных народов, а контроль осуществляется некоренным населением. В то время как последний, D, «индигенный диверсифицированный туризм», будет включать, например, отель или транспортную компанию, управляемую владельцем-саамом.

Это определение поднимает как минимум три проблемы. Прежде всего, трудно сказать, кто саам, а кто нет. Среди саамов в разных странах мы найдём людей, которые в соответствии с национальными законами исключены из числа лиц, участвующих в выборах в саамские парламенты, но при этом утверждают, что являются саамами [2, Joona J.]. Во-вторых, многие саамы, которые могли зарегистрироваться, этого не сделали, и это ещё раз демонстрирует проблему разграничения коренного населения и, следовательно, вопрос о том, кто должен это контролировать. В-третьих, проблема «Темы коренных народов», по-видимому,

подразумевает, что речь идёт о единой культуре коренных народов. Реальность такова, что часто существует несколько местных традиций, которые иногда трудно разграничить. Часто, как в случае с выставкой в Лондоне в 1822 г., то, что выглядит как «Тема коренных народов», часто навязывается извне.

Чтобы дополнительно усложнить ситуацию из-за социально-географического измерения, во многих небольших общинах БЕАР коренные жители, которые занимаются малым туристическим бизнесом, будут сотрудничать и / или конкурировать с соседями, не являющимися коренными народами, которые ведут идентичные виды бизнеса. Один из способов избавиться от проблемы подобного разграничения может заключаться в применении определений местного туризма, которые встречаются в организациях маори в Новой Зеландии. Туризм маори всё чаще определяется как туризм с точки зрения современной традиции маори. Например, в руководство для учителей, использующих бизнес маори в качестве примера от Министерства образования Новой Зеландии: Бизнес маори — это предприятие или предприятия, которые:

- принадлежат маори и / или
- полностью или в значительной степени контролируются маори и / или
- действуют в соответствии с традиционной и / или современной культурой и ценностями маори.

Некоторые предприятия маори управляются самими владельцами, а некоторые нанимают людей происхождения маори. Другие могут нанимать людей разных национальностей⁴. Таким образом, соответствующие заинтересованные стороны определяют, каковы принципы ведения бизнеса для местного туризма, и открываются для включения тех компаний в регионе, которые подчиняются этим принципам.

Проблема аутентичности

Как объяснялось в начале этого раздела, теория туризма часто основывает мотивацию этнотуризма на различиях, которые, как предполагается, коренные народы представляют в сравнении с современным человеком. Утверждалось, что эта позиция как «другого» является исторической конструкцией западноевропейской мысли, которая объединяет много разных народов в одну категорию. Эта категория была дополнительно усилена, став политико-юридическим понятием для теории политических прав, которые были важны в процессе развития чувства общности между этими народами. Будучи признанными коренными жителями и считая себя таковыми, жители северного региона сталкиваются со многими похожими проблемами в области туризма, что и другие коренные народы во всем мире.

Одним из них является вопрос аутентичности. Западноевропейское мышление рассматривает такие народы как традиционные и до-современные, и именно в этом отношении они становятся туристическими достопримечательностями. Многие коренные народы, в

⁴ Māori business. URL: <http://seniorsecondary.tki.org.nz/Social-sciences/Business-studies/Maori-business#values> (дата обращения: 13.01.2019).

частности саамы Северной Скандинавии, полностью интегрированы в современные национальные государства и редко демонстрируют радикальные отличия от современной жизни, которые часто ищут туристы. Это создает опасность того, что только те элементы, которые должны быть старыми и до-современными будут считаться подлинными саамскими и одновременно являются тем, что мы считаем элементом саамского в туризме. И это — не только точка зрения туристов. Исследования саамов, которые в основном стали туристическими достопримечательностями: в первую очередь, пожилые женщины в интерьере Финнмарка, которые носят традиционные костюмы в своей повседневной жизни [20, Gaino L.], демонстрирует, насколько хорошо респонденты в этой категории осознают туристическое стремление к аутентичности, а точнее к отражению настоящей культуры. Это понимание получено как из повседневной жизни, так и из собственного опыта в качестве туристов. Некоторые респонденты отметили, что интерес туристов к саамской культуре был для них предметом гордости в их юности, когда самосознание саами подвергалось большей стигматизации, чем сегодня. Они также подвергли критике использование того, что они считают поддельной саамской культурой, и подчеркнули необходимость разъяснения подлинной традиционной культуры саамов.

Туризм как источник гордости и как нечто, требующее аутентичности, является общей темой для местного туризма. Проблема заключается в том, что коренные народы одновременно являются современниками, и многие из них живут жизнью, которая на первый взгляд не отличается от большинства населения. Всё это часто сдерживает то, что развивается как местный туризм, и ведет к дискуссии о том, что является традиционным, а что — нет. Вместо того чтобы обсуждать прошлое, кажется более плодотворным привести в современный бизнес местные способы ведения дел, которые на первый взгляд выглядят не-индигенными сферами.

Заключение

В этой статье я утверждал, что местный туризм должен пониматься как сформированный европейскими идеями «другого», а также более поздним развитием мировой политики. Такие широкие и всё более глобальные структуры образуют гетерогенные народы. Даже если коренное население всё в большей степени становится политической концепцией, европейские культурные идеи о коренных народах, связанные с культурной разницей и более традиционной культурой коренного населения, чем культура туристов, всё ещё процветают в индустрии туризма. Таким образом, всё это рискует отодвинуть коренные народы в определённые продуктовые ниши современного туризма. В этой статье было продемонстрировано, что такая точка зрения на коренные народы как радикально отличающиеся от современных (на примере саамов) имеет давние традиции в Европе.

Кроме того, до начала XIX в. территория, которая в настоящее время является БЕАР, была, с точки зрения нынешних общин большинства, политически неопределённой террито-

рией. Границы между государственными образованиями в этом районе были соответственно установлены в 1751 и 1826 гг., а Финляндия стала частью Российской империи в 1809 г. Одним из радикальных следствий этих переопределений было то, что наиболее западная оседлая сиида, состоящая из четырёх сиид скольтов, стала норвежской, несмотря на православную веру и историческую связь с Россией. Скольты стали меньшинством как в Норвегии, так и среди норвежских саами. Таким образом, политические изменения в БЕАР усилили неоднородность коренного населения. То, как были установлены границы, национальная политика ассимиляции, а также политика, в которой указывалось, кто должен оставаться традиционным «благородным дикарём», — всё это исторические факты, которые лишь усиливают неоднородность, которая существовала всегда. Тем не менее, глобальное признание прав коренных народов и новых политических структур, формирующих БЕАР, вероятно, увеличит возможности различных коренных народов в формировании своей собственной позиции в мировой индустрии туризма.

Наконец, то, что, по-видимому, является быстро развивающейся индустрией туризма, во многих частях БЕАР, где всё больше новых туристических рынков проявляют интерес к Северу и Арктике, может создать как определённые возможности, так и проблемы для коренных народов. Наиболее очевидным является потенциал экономического роста и создания новых рабочих мест в отрасли, где культуры коренных народов могут представлять не только культурные различия, которые интересны для многих посетителей. Коренные народы могут также воспользоваться возможностью разработки новых продуктов, которые вписываются в современный туризм, где занятие делом стало более важным, чем раньше, когда «туристический взгляд» был более заметным. Тем не менее, рост туризма создаёт определённые проблемы, поскольку большинство туристов, приезжающих в БЕАР, не считает коренные народы основными примечательными объектами. Природные явления, такие как Северное сияние, Полночное солнце и арктическая природа в целом являются одними из наиболее заметных достопримечательностей, благодаря которым индустрия туризма использует новые районы и хотя бы сезонно переполняет определённые места. Результатом может стать конкуренция в сфере землепользования и проблемы для местных общин, где интересы коренных народов могут потеряться из-за конкуренции с мощными экономическими интересами индустрии туризма. Тем не менее, на момент написания этой работы в БЕАР было мало мест, где такое развитие событий было бы преобладающим.

Литература / References

1. Brody H. *Living Arctic: Hunters of the Canadian North*. Douglas and McIntyre, Vancouver, 1987.
2. Joona J. The draft Nordic Saami convention and the indigenous population in Finland. In: Banks, N. & Koivurova T. (eds) *The Proposed Nordic Saami Convention. National and International Dimensions of Indigenous Property Rights*, 2013, Hart Publishing, Oxford, pp. 229–253.
3. MacCannell D. *The Tourist. A New Theory of the Leisure Class*. University of California Press, Berkeley, 1999.

4. Urry J. *The Tourist Gaze. Leisure and Travel in Contemporary Societies*. SAGE Publications, London, 1990.
5. Pietikäinen S., Huss L., Laihiala-Kankainen S., Aikio-Puoskari U. & Lane P. Regulating multilingualism in the North Calotte: The case of Kven, Meänkieli and Sámi languages', *Acta Borealia* 27 (1), 2010, pp. 1–23.
6. Altick R.D. *The Shows of London*. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Mass, 1978.
7. Hætta O.M. *Triumfslekta, Áidejávri fjellstue og Mikkel Triumfs tragiske skjebne*. HiF-Rapport, 2003.
8. Kirshenblatt-Gimblett B. *Destination Culture. Tourism, Museums and Heritage*, University of California Press, Berkeley, 1998.
9. Mathisen S.R. Representasjoner av kulturell forskjell. Fortelling, makt og autoritet i utstillinger av samisk kultur. *Tidsskrift for Kulturforskning*, 2004, 3(1), pp. 5–25.
10. Dibdin T. *The Reminiscences of Thomas Dibdin*. AMS Press, New York, 1827 [1970].
11. Olsen K. The touristic construction of the “emblematic” Sámi. *Acta Borealia*, 2003, 20 (1), pp. 3–20.
12. Keskitalo E.C.H. & Nuttall M. Globalisation of the “Arctic”. In: Evensgård B., Larsen J.N. & Paasche Ø. (eds). *The New Arctic*, 2015, pp. 175–187.
13. Kelly-Holmes H. & Pietikäinen S. Commodifying Sámi culture in an indigenous tourism site, *Journal of Sociolinguistics*, 14 (4), 2014, pp. 518–538.
14. Olsen K. Urfolksturisme — en reise i tid eller rom? *Norsk Antropologisk Tidsskrift*, 2008, 19 (1), pp. 20–37.
15. Pietikäinen S. Multilingual dynamics in Sámiland: Rhizomatic discourses on changing language, *International Journal of Bilingualism*, 19 (2), 2015, pp. 206–225.
16. Thuen T. *Quest for Equity. Norway and the Saami Challenge*. ISER, Memorial University of Newfoundland, St. John's, 1995.
17. Viken A. Turismens essensialisierende effect — samisk kultur i lys av tiltakende turisme. In: Mathisen S.R. (ed.) *Kulturens Materialisering: Identitet og Uttrykk*, Høyskoleforlaget, Kristiansand, 2000, pp. 25–52.
18. Butler R., Hinch T. *Tourism and Indigenous Peoples*. Taylor & Francis, London, 1996.
19. Ruotsala H. Does sense of place still exist? *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2008, 1 (2), pp. 43–54.
20. Gaino L.B.B. *Samene som Turistattraksjon*. MPhil thesis, Finnmark University College, 2005.